

Кэти Лоуэ

Кэти Лоузэ

ФУРИИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Л81

Серия «Новый психологический триллер»

Katie Lowe
THE FURIES

Перевод с английского *Н. Анастасьева*
Художественное оформление *В. Лебедевой*

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств Caskie Mushens Ltd.
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Лоуэ, Кэти.

Л81 Фурии : [роман] / Кэти Лоуэ ; [перевод с английского Н. Анастасьева]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Новый психологический триллер).

ISBN 978-5-17-114779-2

Вайолет поступает в «Элм Холлоу» — частную школу для девочек на окраине сонного прибрежного городка. Для нее это шанс начать все заново после страшной аварии, оставив своих демонов позади. Немного странная и неуверенная в себе, она отчаянно пытается стать своей среди одноклассниц и вскоре оказывается приглашенной в продвинутую учебную группу под руководством очаровательной и таинственной преподавательницы искусств Аннабел.

Девушки изучают не только историю искусства, но и таинственное прошлое школы, основательницу которой сожгли на костре за колдовство. В программе греческие мифы и кельтские легенды, история процессов над ведьмами и древние ритуалы. И как бы Аннабел ни убеждала своих учениц, что занятия носят исключительно академический характер, они не могут удержаться от практических экспериментов.

Постепенно их поступки становятся все более мрачными и выходят из-под контроля. Как далеко пойдут девушки, чтобы защитить друг друга... или уничтожить друг друга?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-114779-2

© Katie Lowe, 2018
© Перевод. Н. Анастасьев, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Посвящается Марии

*Я не пророк и мало думаю о чуде;
Однажды образ славы предо мною вспыхнул,
И, как всегда, Швейцар, приняв мое пальто, хихикнул.
Короче говоря, я не решился*.*

— Т. С. Элиот.

Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока. 1915

*Посмотрите на нынешних ведьм: стоит кому-нибудь
задеть их честь, обзвав шлюхами, воровками и так далее,
как они поднимают крик, начинают заламывать руки, за-
ливаются слезами и, исполненные праведного гнева, с воем
бегут к мировому судье; но оцените всю меру их тупости;
такова уж их природа, такова их стихия: когда их обви-
няют в ужасном и позорнейшем грехе ведовства, они всегда
остаются самими собой и не проливают ни слезинки.*

— Мэтью Хопкинс.

Разоблачение ведьм. 1647

* Пер. А. Сергеева. — Здесь и далее примеч. пер.

«Странно, — говорили люди, заламывая руки и понижая голос до шепота, словно мы не могли их подслушать по параллельному телефону или через щели в стенах, — странно, что не было обнаружено ни единой причины ее смерти».

«Непонятно», — говорили люди так, словно это изменяло тот факт, что на территории школы было найдено тело шестнадцатилетней девушки, и ни намек на то, каким образом и почему произошло несчастье. Никаких подозрительных следов на теле, при вскрытии не обнаружилось ни малейших признаков насилия, сексуального или любого иного, и ни единого волоска или волокна, который бы не принадлежал самой девушке, или ее друзьям, или матери, которую она в последний раз обняла утром, уходя в школу. Все выглядело так, будто у нее просто перестало биться сердце, в жилах застыла кровь, мгновенно и навеки оставив ее в неподвижности, свежую, как утренняя заря.

Газеты стерли этот образ, напечатав интригующие снимки заграждения, установленного полицией на месте обнаружения тела, — намек на ужасные события, которые могли там произойти. Но я-то успела все рассмотреть. Я и сейчас, когда не могу уснуть, вижу эту картину. Она отпечаталась в моем сознании — и не потому, что это было ужасно или травмирующе. Нет, как раз напротив: волнующее, стылое и сладкое воспоминание.

Сейчас я думаю о той сцене как о произведении, обладавшем удивительной ренессансной завершенностью — голова девушки была слегка повернута, как на «Пьете» Микеланджело; хотя тогда-то все виделось иначе. Сходство я заметила только через десять лет, когда оказалась в Ватикане. Слезинку, выкатившуюся у меня из глаза при рассказе об истории создания скульптуры, мои студенты, естественно, объяснили какой-то моей особой чувствительностью, нутряным восприятием красоты, созданной гением Микеланджело; я не сделала ни малейшей попытки разуверить их в этом.

При жизни она была красавицей: ребенок, начинающий осознавать свою силу, познающий себя, свое тело, свою расцветающую плоть, — но смерть, следует отметить, придала ее чертам некую поэтическую возвышенность. На ум приходила «Джоконда» Майкла Филда*:

Глаза, зовущие, чуть искоса. Навечно
Улыбка бархатом застыла на устах
И манит уголками губ.
И длань играет светом,
Покоясь мирно на бедре.
Жестокость, алчущая выхода,
Но не кровавой жертвы...

Недооцененный, как мне кажется, дуэт. Как же я люблю эта строки, даже сейчас.

В такой вот позе ее и нашли, с открытыми глазами, сидящей, выпрямившись, на качелях. Безупречно сложенная, живая, если не считать голубых прожилок там, где должен быть румянец молодости, — из крови ушел кислород; необыкновенно тонкие серебряные браслеты, удерживающие кисти рук на цепях, прямая спина — трупное окоченение уже началось, когда девушку обнаружили на все еще слегка раскачивающихся качелях.

* Майкл Филд — псевдоним, под которым создавали свои поэтические произведения Кэтрин Харрис Бредли (1846–1914) и ее племянница и воспитанница Эдит Эмма Купер (1862–1913).

Изящно скрещенные лодыжки, правда, одна туфля валяется на земле. И ко всему этому тонкое белое платье, сделавшееся из-за утренней росы почти прозрачным. Современный шедевр, точный и глубокий.

«Еще один ангел, вернувшийся на небо», — гласили карточки, прикрепленные к похоронным венкам, — чернила под дождем расплывались. На рынке фермеры и рыбаки бормотали что-то сквозь зубы; местные газеты, обычно ограничивавшиеся проблемами растущей в городке популяции чаек и бесконечными сбоями в регулировании одностороннего движения, из недели в неделю печатали ее фотографии, включая школьное фото, на всю полосу с набранной несообразно крупным крикливым шрифтом подписью «НЕ ЗАБУДЕМ». Газетные репортеры, настоящие репортеры из центральных газет и даже из зарубежных, неделями рыскали вокруг, вслушиваясь в приглушенные голоса и смешиваясь с местными в поисках следов, — такое воздействие произвело запечатленное на фотографиях лицо. В гостиницах беспрецедентно вырос спрос на номера; владельцы ресторанов мрачно шутили, что смерть должна бы чаще навещаться в эти края. Словом, с какой стороны ни посмотри, это был очень удачный год.

«Будут приняты все возможные меры для того, чтобы раскрыть это дело и предотвратить повторение подобного в нашем округе», — заявил начальник полиции, выпятив грудь и красуясь, точно петух, перед камерами. Впервые я смотрела его интервью вместе с матерью, а потом, много лет спустя, в одиночестве, дома, когда кто-то выложил его в интернет — зернистое изображение наводило на мысли о других страшных трагедиях телевизионной эры. Что-то в его картинке напомнило попавшееся мне некогда видео, на котором было запечатлено убийство Кеннеди: величественное зрелище, так же откинутаая назад голова. «Мы тщательно все изучим, подойдем со всех сторон, не упустим ни малейшей детали, допросим всех, кто был хоть как-то связан с этой

девушкой, чтобы выяснить все обстоятельства, приведшие к этой трагической гибели», — продолжал полицейский.

Разумеется, ничего сделано не было. Допросили и исключили из числа подозреваемых обычную публику: друзей, бывших парней, безутешную мать — вот и все. Даже сейчас, если поискать в интернете по ее имени, можно найти детективов-любителей, выкладывающих на разных форумах свои теории — порой безумные, порой на удивление основательные. Далеко за полночь, когда темнота стущается и моя потребность увидеть ее возрастает, любопытство приводит меня к ним. Я благодарна всем любопытствующим из интернета и незнакомому мне человеку, который выложил фотографии с места преступления десятилетия спустя. Они бьют по моим нервам, память раскаляется добела и становится предельно чистой.

Несмотря на все то, что последовало: полицейское расследование, допросы, слезы на камеру и жалостливые слова на радость несущим всякую чушь репортерам, — несмотря на то, что прошло так много лет, я продолжаю бороться с одной-единственной невыразимой правдой: я не жалею о том, что мы сделали. Ни о чем. Не знаю почему, но не жалею. Конечно, это было преступление, и, естественно, страх возмездия преследует меня. И все же вина — это не то чувство, которое я испытываю в связи с ее смертью.

Потому что весь тот год, что мы общались, во время всех тех событий, что привели к ее смерти — к убийству, — я ощущала себя более живой, чем когда-либо до или после. «Гореть, гореть всегда этим ослепительным, как у самоцвета, пламенем» — эти слова я постоянно повторяю своим студентам, хотя, кажется, их воображение они задевают меньше, чем некогда наше, — вот, по мысли Пейтера*, залог жизненного успеха. И вспоминая ее, я чувствую, как горит пламя, мощное и яркое.

* Уолтер Пейтер (1839–1894) — английский теоретик искусства.

Мы приблизились к священному. Мы прикоснулись к божествам, мы ощущали их присутствие в своих жилах. Похоть, зависть, жадность — вот что заставляло биться наши сердца быстрее, но на миг, на какое-то мгновение мы почувствовали себя по-настоящему потрясающе живыми. Остаться сидящей подобно Мадонне на медленно раскачивающихся качелях могла любая из нас. И лишь благодаря чистой случайности это оказалась она, а не я.

О С Е Н Ь

Глава 1

Ирриезжие шутили, что в такие места люди направляются умирать. Городок на краю света, на краю века: абсолютный конец прямой.

Люди здесь больные и усталые, стареющие, похожие на остатки кирпичной кладки, разрушенной ветрами. На юге города любимое место самоубийц: меловые утесы, притягивающие на свои вершины отчаявшихся, чтобы сбросить их отсюда в холодное серое море. Резко обрывающиеся железнодорожные рельсы, дороги, ведущие только сюда и никуда больше... Все это, мне кажется, заметно с первого взгляда — отсюда и шутка. Но есть и кое-что еще...

Отсыревшие под дождями стены магазинов с полустершимися вывесками; киоски, покрытые птичьим пометом и граффити. Серые пляжи, состоящие в равной доле из песка и осколков стекла, смятых пивных банок и целлофановых пакетов. Клубы с игровыми автоматами на набережной: ковровые дорожки, пропитанные пивом и блевотиной, мелкие монеты, дребезжащие на жестяных стойках, мужчины, покурывающие в мертвенно-бледном свете экранов, замороженные звоном проваливающихся в щель монет. Поля, поросшие жухлой травой, колючая проволока и кирпич. Верфи: огромные металлические склепы, возведенные механическими зверями, назойливая, повсюду преследующая вонь рыбного рын-

ка. Полуразрушенные бомбоубежища, каменная русалка с лицом, стертым ветрами.

Тут я провела юность и стала казаться самой себе застывшей фигурой на написанной маслом картине; распад все еще продолжается, кромка берега отодвигается все дальше под напором моря. Когда-нибудь все это исчезнет, и от этого миру будет только лучше.

О первых пятнадцати годах жизни сказать мне почти нечего, детство прошло тихо и скучно, дни и годы, ничем не различаясь, наплывали один на другой. Мама не работала, сидела дома, учила меня читать, смотрела, как я расту, у папы была небольшая лавка, где, как мне казалось, продавалось все, что угодно. Я иногда пряталась в темных прохладных уголках, таская с исцарапанных пластмассовых подносов и из отсыревших картонных коробок светившиеся неоном шариковые ручки и блестящие точилки для карандашей. Настольные игры заменяли мне друзей. Книги я читала аккуратно — корешки в полном порядке, — бережно, словно на них начертаны древние руны, переворачивала страницы. Понимаю, звучит так, что мне было одиноко, но мне было хорошо.

Когда мне исполнилось восемь, мама объявила, что на Рождество нас ждет особый подарок, и провела ладонью по своему увеличившемуся животу. Подробности я узнала из энциклопедии. Представила себе, как растягиваются ее внутренности, ладошки впиваются в оболочку околоплодного пузыря, тот рвется, и наружу выползают крошечные пальчики. Это один из немногих рождественских дней, который я вспоминаю и сейчас, будучи взрослой.

Родилась девочка. Извивающийся, краснолицый, крикливый младенец с копной черных волос и холодными серыми глазами. Она была одержима, всю свою недолгую жизнь одержима, и вид у нее был такой, словно она знала больше, чем рассказывала, — маленькая хранительница тайн. Ей было семь, когда папа, везя нас на пляж, столкнулся с грузовиком. Он умер на месте, она продержалась четыре дня, хотя была почти не похожа на

себя. Почти не похожа на живое существо: тело в синяках, весь череп в глубоких порезах.

Я же вылезла из машины с рукой в крови (не моей) и мокрым обломком кости (тоже не моей) в волосах. Стряхнула прилипшие осколки стекла и побрела прочь, чувствуя, будто очнулась после долгого страшного сна.

По-моему, это и был конец. Или начало, как посмотреть.

Их жизнь закончилась, а мамина остановилась. Даже несколько десятилетий спустя, когда я вернулась, чтобы прибраться в доме после ее смерти, там все оставалось так же, как в тот день. Выцветшие обои, вытершиеся от старости ковры. Те же книги на полках, те же видеокассеты, разбросанные в беспорядке перед телевизором, от которого по-прежнему исходил непрерывный низкий гул. Тот же небрежно завязанный галстук, свисающий с двери в спальню, те же смятые бумаги в мусорной корзине, те же последние слова, оборванные посередине предложения, на пожелтевшем листе бумаги.

«Быть может, мы могли бы предложить другой подход» — последняя папина мысль, запечатленная высохшими бурыми чернилами. Все будоражило память: везде были отпечатки папиных пальцев, повсюду по-прежнему звучал смех сестры, — это было как кожа, которую никак не сбросить.

Но я не испытывала никаких чувств. Уходя из больницы — ничего; бросая в могилу ком сырой земли, с мягким стуком опустившийся на лакированную крышку соснового гроба, — ничего. Мама рыдает, сидя на диване, запустив руки мне в волосы, прижимая к моим щекам влажные теплые ладони, цепляясь за мою жизнь, — все равно ничего.

Несколько недель спустя я проснулась на диване, — она сидела, уставившись на меня, словно видит призрака, закусив нижнюю губу.

«Мне показалось, что она... Мне показалось, что ты тоже умерла», — сказала она, заливаясь слезами и ука-

зывая на лицо на экране телевизора, похожее на мое за вычетом некоторых деталей. Пепельные волосы, но у нее блестящие, гладкие, а у меня жесткие и поседевшие, как старая веревка; глаза, как могло показаться, почти черные, если бы не янтарное пятнышко в радужной оболочке левого; округлый рот с пухловатыми губами, придававшими мне какой-то клоунский вид. Мои губы были потрескавшимися, покрытыми белыми бороздками лечебной мази, от которой я никак не могла отказаться, а у нее нежно-розовые, гладкие, обнажающие при улыбке белоснежные, без единой щербинки, зубы. Глядя на подрагивающее на экране лицо, я думала, что это мой улучшенный образ — такой я хотела бы быть. Идеальный образ, созданный художником, который легкими мазками сгладил мои недостатки.

«Возобновился общественный интерес к исчезнувшей ровно месяц назад молодой девушке Эмили Фрост. Ее местонахождение неизвестно, и семья вновь выступила с призывом сообщить любую имеющуюся информацию, связанную с ее исчезновением».

Я смотрю на мелькающие на экране изображения, узнаю знакомые утесы и еще более знакомые обрывы. В наши дни никому не приходит в голову подсчитывать количество самоубийств. В последний раз Эмили видели именно там, на самой вершине.

— Мам, я здесь. Она — не я. Она просто прыгнула, — проговорила я, протягивая руку к пульту. — Они все такие.

«Мы хотим одного — чтобы ты вернулась домой, — говорил ее отец, глядя прямо в объектив камеры. — Нам тебя так не хватает. Пожалуйста, ну пожалуйста, возвращайся».

Я переключила канал и снова заснула.

Если в чудесном спасении в автомобильной катастрофе — помимо очевидного — есть приятная сторона, то это что никто не заставляет тебя идти в школу.